

грамотея к другому“: истории из жизни рукописей Древлехранилища» был посвящен различным аспектам археографической работы сотрудников Института. Во главе угла такой работы стоит тезис В. И. Малышева о необходимости фиксации как судеб хранителей рукописных книг, так и фактов перехода рукописей из одних рук в другие. С опорой на наставления, полученные некогда от старших коллег, и памятуя об опыте собственных поездок, докладчицы обратились к отчетам экспедиций 1970–1980-х годов, особенно тех, в которых принимал участие Г. В. Маркелов. Их география включала Печору, Онежский полуостров (с посещением опустевшего Амбургского скита), ряд районов Архангельской области и Карельской АССР. Поездка Маркелова в Латвию в 1972 году (книжные богатства которой были разведаны ранее Малышевым и Ф. А. Каликиным) положила начало целой серии его экспедиций в этот регион и в конечном счете привела к появлению Латгальского собрания Древлехранилища. Часть этих поездок Маркелов совершал вместе с другими видными археографами: А. Х. Горфункелем, В. К. Зиборовым, Г. М. Прохоровым и др. Методика и ход полевых экспедиций в отчетах описаны весьма кратко. И все же отчеты позволили сделать некоторые, зачастую шуточные — в духе юбилейного торжества — наблюдения относительно способов получения рукописей от старообрядцев (будь то заготовка дров или обмен книг на

колодезную воду), а также перевозки рукописных книг в Древлехранилище (где-то пешком, где-то при помощи гужевой либо же более современного транспорта). Такие истории, местами не вполне серьезные, но не лишённые при этом подлинного археографического опыта, прекрасно иллюстрируют тот процесс естественной жизни рукописей, на который призвал обратить внимание Малышев, а именно — переход рукописных книг от одного собирателя, или «грамотея», к другому.

Итог заседанию подвел Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург). Его выступление «Новое о „готских девах“» было облечено в стихотворную форму и адресовано юбиляру.

Официальную часть мероприятия венчала музыкальная композиция — две пьесы для фортепиано («Древнерусские рукописи» и «Посвящение Г. В. Маркелову»), сочиненные и исполненные Г. Юферевым, а также презентация нового издания, подготовленного усилиями Г. В. Маркелова и Ф. В. Панченко, «Художественное убранство поморских рукописных книг XVIII–XIX вв. По материалам Пушкинского Дома. Исследование, каталог, альбом» (СПб., 2022).

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© А. Б. Белова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-273-274

ШЕСТОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

20 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась шестой научный семинар «Русская литература в советскую эпоху». Приветствуя коллег и гостей заседания, Н. А. Прозорова напомнила, что семинар проходит в рамках работы Центра по изучению литературного наследия советской эпохи.

Открыл семинар доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Образ Н. Гумилева и гумилевский интертекст в романе М. А. Зенкевича „Мужичкий сфинкс“», посвященный вопросам рецепции и преломления посмертного образа Гумилева и его творчества в сознании современников. Роман Зенкевича «Мужичкий сфинкс» (работа над ним была начата два месяца спустя после расстрела автора «Огненного столпа») в ряду откликов на смерть Гумилева занимает особое место. Поэт становится персонажем, участвующим в развитии фантастического сюжета произведения Зенкевича,

одним из центров которого является художественный миф о Петрограде-Петрополе, в котором происходит встреча живого рассказчика и «ожившего покойника». Гумилев присутствует в «Мужичком сфинксе» в виде системы интертекстуальных отсылок к его знаменитому стихотворению «Заблудившийся трамвай». Особенно востребованными для Зенкевича оказались образы гильотины, плахи, палача и отрубленной головы, получившие катастрофическую коннотацию уже в стихотворении Гумилева. Будучи «процитированными» в романе, они семантически участвуют в формировании образа всеограшающей эпохи — революции, погубившей жизнь поэта.

Доклад М. С. Инге-Вечтомовой (Санкт-Петербург) и Н. А. Прозоровой (Санкт-Петербург) «Неизвестные страницы биографии А. А. Фадеева и Е. А. Вечтомовой» был подготовлен на базе материалов семейного архива Инге-Вечтомовых. Дневниковые записи писательницы

Е. А. Вечтомовой и ее переписка с А. А. Фадеевым позволили дополнить биографию последнего во время пребывания в блокадном Ленинграде в 1942–1943 годах и выстроить хронику встреч писателя с Вечтомовой в 1950–1951 годах в Ленинграде, Москве и Барвихе. Новые источники свидетельствуют о «скрещении судеб» двух писателей, проясняют характер их отношений, говорят о ситуации крайней несвободы в личном пространстве Фадеева и фиксируют факт перлюстрации их переписки. Ключевая фраза прощального письма Фадеева («решительно ничего в жизни уже нельзя изменить») передает его фатальное мироощущение и коррелирует с предсмертной запиской, написанной накануне трагического конца в Перedelкинe в мае 1956 года.

В докладе Т. Г. Ивановой (Санкт-Петербург) «Псевдофольклор советской эпохи: плач о Сталине Т. Орешкиной» была проанализирована «индустрия» создания устно-поэтических произведений, воспевавших советских вождей и героев. Процесс их сочинений был следующим: собиратель фольклора подсказывал народному исполнителю тему, а сказитель, опираясь на поэтические приемы устной традиции, создавал текст (сказку о Чапаеве, былинку о Ленине и др.). Типичный пример такого произведения — выявленный в архиве Рукописного отдела ИРЛИ плач о Сталине, записанный на реке Мезень от Т. А. Орешкиной. Докладчица показала искусственную природу плачсказа, указала на газетные штампы в тексте, замену лексемы «русский» на «советский», разработку темы Великой Отечественной войны, противоречащую фольклорной традиции, и т. д. В заключение Иванова отметила, что плач о Сталине отражает одну из страниц развития отечественной фольклористики и одновременно является яркой иллюстрацией пропаганды эпохи сталинского режима.

В фокусе внимания Е. В. Виноградовой (Санкт-Петербург), выступившей с докладом «Т. Г. Гнедич в Одессе: биографическая реконструкция (по архивным материалам)», оказались документы об одесском периоде жизни поэта-переводчицы с 1915 по 1926 год. Среди них — своеобразный «лирический мемуарный дневник» (Одесский дневник), включающий как непосредственные впечатления от поездки Гнедич в город детства в 1966 году, так и фрагменты воспоминаний о юности в пореволюционной Одессе. Путевой дневник не столько повествует о путешествии поэтессы в пространстве, сколько погружает читателя в ее прошлое, в то время, когда судьба, по словам Гнедич, «была беременна страшным». Согласно дневнику, у автора было «3 Одессы», «три этапа» (1915–1919, 1919–1920, 1921–1925) и «три разных миропонимания» происходивших событий и политической ситуации. Благодаря новым архивным материалам Виноградова описала окружение и быт семьи Гнедич в переломное для страны время и установила ад-

реса проживания. Сообщение сопровождалось видеорядом фотографий из архива Гнедич.

Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) в докладе «Ольга Берггольц в литературном поле 1930-х — нач. 1940-х гг.: проблема статуса» показала, что в литературном поле 1930-х годов О. Ф. Берггольц находилась в ситуации отторжения (подвергалась репрессиям «по делу Авербаха», была в тюремной изоляции по сфабрикованному обвинению), писательского успеха не имела, но вызывала неподдельный интерес со стороны братьев-писателей. С началом войны габитуз Берггольц определил ее статусное место в конкурентном поле. Авторская стратегия (ориентация на «помощь людям») совпала с задачами военного времени. Поэтесса последовательно демонстрировала в своем творчестве простоту языка и стиля (в ее эстетике великое — означало простое), что соответствовало читательским ожиданиям блокадных жителей. Тема страданий людей, оказавшихся в изоляции и тюрьме, была в фокусе внимания Берггольц с конца 1930-х годов и получила свое эстетическое разрешение в блокадном пространстве. Автор изначально манифестировала ленинградскую тему в личной интонации («живой голос писателя») и в отличной от других субъектов поля стилистике («почти не стихи»). Эти факторы способствовали занятию ею сильной позиции в литературном поле начала 1940-х годов; при этом институции власти не участвовали в легитимации статуса Берггольц.

В докладе «К истории отношений писателей-природоведов: Д. П. Зуев и М. М. Пришвин» О. Д. Трушин (Москва) остановился на судьбе писателя-натуралиста Дмитрия Павловича Зуева (1889–1967), в настоящее время обойденного вниманием литературоведов. Его имя было хорошо известно в среде натуралистов-прозаиков: он был автором популярных книг («Дары русского леса», 1956; «Времена года», 1961), слыл мастером жанра фенологической заметки, отличался демонстративным поведением в быту (членом ССП не был) и играл роль, по словам Пришвина, «охотничьего шута в Советском Союзе». Опираясь на неопубликованные эпистолярные материалы, докладчик рассмотрел иерархию отношений двух писателей — заядлых охотников, рассказал о покровительстве Пришвина Зуеву и о размолвке, случившейся между ними в 1938 году (отчасти по причине простодушия — «обнаженной искренности» — Зуева), а также о возобновлении их общения с 1945 года. В ходе доклада Трушин показал слушателям редкие фотографии Зуева.

В обсуждении докладов принимали участие Л. В. Герашко, Т. Г. Иванова, Т. В. Игошева, А. В. Сысоева, Т. С. Царькова, А. А. Шелаева и другие участники заседания, проявившие интерес к исследуемому вопросам.